

Память святых отцов VII Вселенского собора (21 октября)

Седьмой Вселенский собор прошел в Никее в 787 году и был созван против ереси иконоборчества. Ересь, отвергающая почитание священных изображений под предлогом борьбы с идолопоклонством, возникла во второй четверти VIII века при самом активном участии императоров Льва III Исавра и Константина V Копронима.

В 730 году император Лев III запретил почитание икон, объявив его преступлением. Он велел воинам снять и разбить особо чтимую икону Христа над воротами его дворца. Один из воинов поднялся по лестнице, чтобы выполнить приказ, но толпа не дала закончить издевательство.

Народ в пылу негодования опрокинул лестницу и предал смерти упавшего воина. По приказу императора главные виновники расправы были казнены, патриарх Герман низложен. По указу императора иконы были вынесены из храмов и сожжены, а епископы, противившиеся этому, изгнаны. Христиане раскололись на две партии — иконопочитателей и иконоборцев. Под флаг защиты святых изображений встали все враждебные императору круги, по стране прокатились восстания. Так началось жестокое гонение на святые иконы, которое продолжалось при его сыне и внуке. Результатом иконоборчества стало уничтожение тысяч икон, а также мозаик, фресок, статуй святых и расписных алтарей во многих храмах.

В 754 году на лжесоборе в Иерии иконоборчество было провозглашено в качестве официальной церковной доктрины Византийской империи, утвержденной подписями более 330 епископов (собор этот именуют также «безглавым», так как ни один патриарх не присутствовал на его открытии).

Определения лжесобора приводились в исполнение с необыкновенной жесткостью. Не останавливаясь на иконопочитании, Константин V пошел дальше. Он хотел уничтожить почитание святых и их мощей, монашескую жизнь, считая все это суеверием. По его приказу мощи святых или сжигались, или сбрасывались в море. Монастыри были обращены в казармы или конюшни. Монахи изгнаны, а те, кто открыто порицал действия императора и защищал иконопочитание, предавались мучительной смерти.

После смерти Константина его сын Лев Хазар (его мать была дочерью хазарского кагана), по завещанию отца, должен был продолжить борьбу с иконами. Но Лев оказался человеком слабохарактерным. Большое влияние на него имела его жена афинянка Ирина, тайно поддерживавшая иконопочитание.

Взойдя на престол, император Лев IV Хазар (775—780) под влиянием своей жены прекратил гонения против монахов, но не пожелал открыто порывать с иконоборческими убеждениями отца и деда.

Весной 780 году под покровительством царицы Ирины на Константинопольский престол был избран тайный иконопочитатель Патриарх Павел IV.

Вскоре императору было доложено о дворцовом заговоре. Обнаружив в ходе расследования иконы в покоях императрицы Ирины, Лев возобновил гонение против иконопочитателей, обвинив их в злоупотреблении его добрым отношением. Несколько высокопоставленных придворных и сановников за сокрытие икон были подвергнуты жестоким наказаниям и заключению. Императрица подверглась опале.

В конце 780 года император Лев IV скоропостижно скончался. После смерти мужа Ирина была провозглашена регентом при 9-летнем сыне, императоре Константине VI. Она сумела

предотвратить заговор и сосредоточила всю власть в своих руках. Ирина стала первой (но не последней) женщиной, непосредственно правившей в Византийской империи. Она решительно объявила себя защитницей икон. Началось возрождение монастырей. Позиции иконоборцев, оставшихся без поддержки императорской власти, резко ослабли. В обществе началось обсуждение вопроса о необходимости восстановления почитания икон.

В 787 году в храме св. Софии царицей Ириной был созван VII Вселенский Собор в г. Никее, на который явились 367 отцов, на котором и состоялось осуждение иконоборчества как ереси.

Святые отцы VII Вселенского Собора собрали церковный опыт почитания святых икон с первых времен, обосновали его и сформулировали Догмат об иконопочитании на все времена и для всех народов, которые исповедуют Православную веру. Святые отцы провозгласили, что иконопочитание — это законоположение и Предание Церкви, оно направляется и вдохновляется Святым Духом, живущим в Церкви. Изобразительность икон неразлучна с евангельским повествованием. И то, что слово евангельское сообщает нам через слух, то же самое икона показывает через изображение.

Собор осудил и отверг иконоборческую ересь и определил — поставлять и полагать в святых храмах, вместе с изображением Честного и Животворящего Креста Господня, и святые иконы, почитать и воздавать им поклонение, возводя ум и сердце к Господу Богу, Божией Матери и Святым, на них изображенным.

VII Вселенский Собор утвердил, что иконопись есть особая форма откровения Божественной реальности и через Богослужение и икону Божественное откровение становится достоянием верующих. Через икону, как и через Священное Писание, мы не только узнаем о Боге, мы познаем Бога; через иконы святых угодников Божиих мы прикасаемся к преображенному человеку, причастнику Божественной жизни; через икону мы получаем всеосвящающую благодать Святого Духа.

Каждый день Святая Церковь прославляет иконы Матери Божией, празднует память святых Божиих угодников. Их иконы кладут перед нами на аналой для поклонения и живой религиозный опыт каждого из нас, опыт нашего постепенного преображения через них, делает нас верными чадами Святой Православной Церкви.

Тропари святым отцам

глас 8

Препрославлен еси, Христе Боже наш, светила на земли отцы наши основавый, и теми ко истинней вере вся ны наставивый, Многоблагоутробне, слава Тебе.

глас 2

Пречистому образу Твоему покланяемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших, Христе Боже: волею бо благоволил еси плотию взыти на Крест, да избавиши яже создал еси от работы вражия. Тем благодарственно вопием Ти: радости исполнил еси вся, Спасе наш, пришедый спасти мир.

Кондак святым отцам

глас 6

Иже из Отца возсияв Сын неизреченно, из Жены родися сугуб естеством, Егоже видяще, не отнимаем зрака изображения, но сие благочестно начертающе, почитаем верно. И сего ради истинную веру Церковь держащи, лобызает икону вочеловечения Христова.

ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ

(23 октября)

Александр Гренков, будущий великий Оптинский старец Амвросий, родился 21 или 23 ноября 1812 года в духовной семье села Большие Липовицы Тамбовской епархии. Окончив духовное училище, он затем прошел успешно курс в духовной семинарии. Однако не пошел ни в Духовную академию, ни в священники. Некоторое время он был домашним учителем в одной помещичьей семье, а затем преподавателем Липецкого духовного училища. Обладая живым и веселым характером, добротой и остроумием, Александр Михайлович был очень любим своими товарищами и сослуживцами. В последнем классе семинарии ему

пришлось перенести опасную болезнь, и он дал обет постричься в монахи, если выздоровеет. По выздоровлении он не забыл своего обета, но несколько лет откладывал его исполнение, «жался», по его выражению. Однако совесть не давала ему покоя. И чем больше проходило времени, тем мучительнее становились укоры совести.

Изнемогая от своей нерешимости, Александр Михайлович отправился за советом к проживавшему в той местности известному подвижнику Илариону. «Иди в Оптину, – сказал ему старец, – и будешь опытен». Гренков послушался. Осенью 1839 года он прибыл в Оптину Пустынь, где был ласково принят старцем Львом (Наголкиным).

Вскоре он принял постриг и был наречен Амвросием, в память святителя Медиоланского, затем был рукоположен в иеродьякона и позднее – во иеромонаха. Когда отец Макарий начал свое дело издательства, о. Амвросий, окончивший семинарию и знакомый с древними и новыми языками (он знал пять языков), был одним из его ближайших помощников. Скоро после своего рукоположения он заболел. Болезнь была настолько тяжела и продолжительна, что навсегда подорвала здоровье отца Амвросия и почти приковала его к постели. Вследствие своего болезненного состояния он до самой своей кончины не мог совершать литургии и участвовать в длинных монастырских богослужениях.

Постигшая о. Амвросия тяжелая болезнь имела для него несомненно провиденциальное значение. Она умерила его живой характер, предохранила его, быть может, от развития в нем самомнения и заставила его глубже войти в себя, лучше понять и самого себя, и человеческую природу. Недаром же впоследствии о. Амвросий говорил: «Монаху полезно болеть. И в болезни не надо лечиться, а только подлечиваться!» Помогая старцу Макарию в издательской деятельности, о. Амвросий и после его кончины продолжал заниматься этой деятельностью. Под его руководством были изданы: «Лествица» преп. Иоанна Лествичника, письма и жизнеописание о. Макария и другие книги. Но не издательская деятельность была средоточием старческих трудов о. Амвросия. Его душа искала живого, личного общения с людьми, и он скоро стал приобретать славу опытного наставника и руководителя в делах не только духовной, но и практической жизни. Он обладал необыкновенно живым, острым, наблюдательным и проницательным умом, просветленным и углубленным постоянно сосредоточенною молитвою, вниманием к себе и знанием подвижнической литературы. По благодати Божией его проницательность переходила в прозорливость. Он глубоко проникал в душу своего собеседника и читал в ней, как в раскрытой книге, не нуждаясь в его признаниях. Со всеми качествами своей богато одаренной души о. Амвросий, несмотря на свою постоянную болезнь и хилость, соединял неиссякаемую жизнерадостность и умел давать свои наставления в такой простой и шуточной форме, что они легко и навсегда запоминались каждым слушающим. Когда

это было необходимо, он умел быть взыскательным, строгим и требовательным, применяя «наставление» палкой или же накладывая на наказуемого епитимью. Старец не делал никакого различия между людьми. Каждый имел к нему доступ и мог говорить с ним: петербургский сенатор и старая крестьянка, профессор университета и столичная модница, Соловьев и Достоевский, Леонтьев и Толстой.

В старце в очень сильной степени была одна русская черта: он любил что-нибудь устроить, что-нибудь создать. Он часто научал других предпринять какое-нибудь дело, и, когда к нему приходили сами за благословением на подобную вещь частные люди, он с горячностью принимался обсуждать и давал не только благословение, но и добрый совет. Остается совершенно непостижимым, откуда брал отец Амвросий те глубочайшие сведения по всем отраслям человеческого труда, которые в нем были.

Внешняя жизнь старца в Оптином скиту протекала следующим образом. День его начинался часа в четыре-пять утра. В это время он звал к себе келейников, и читалось утреннее правило. Оно продолжалось более двух часов, после чего келейники уходили, а старец, оставшись один, предавался молитве и готовился к своему великому дневному служению. С девяти часов начинался прием: сперва монашествующих, затем мирян. Прием длился до обеда. Часа в два ему приносили скудную еду, после которой он час-полтора оставался один. Затем читалась вечерня, и до ночи возобновлялся прием. Часов в 11 совершалось длинное вечернее правило, и не раньше полуночи старец оставался, наконец, один. Отец Амвросий не любил молиться на виду. Келейник, читавший правило, должен был стоять в другой комнате. Однажды, один монах нарушил запрещение и вошел в келлию старца: он увидел его сидящим на постели с глазами, устремленными в небо, и лицом, сияющим радостью.

Так в течение более тридцати лет, изо дня в день старец Амвросий совершал свой подвиг. В последние десять лет своей жизни он взял на себя еще одну заботу: основание и устройство женской обители в Шамордине, в 12 верстах от Оптины, где, кроме 1000 монахинь, имелись еще приют и школа для девочек, богадельня для старух и больница. Эта новая деятельность была для старца не только лишней материальной заботой, но и крестом, возложенным на него Провидением и закончившим его подвижническую жизнь.

1891 год был последним в земной жизни старца. Все лето этого года он провел в Шамординской обители, как бы спеша закончить и устроить там все незаконченное. Шли спешные работы, новая настоятельница нуждалась в руководстве и указаниях. Старец, повинаясь распоряжениям консистории, неоднократно назначал дни своего отъезда, но ухудшение здоровья, наступавшая слабость – следствие его хронической болезни – заставляли его откладывать свой отъезд. Так протянулось дело до осени. Вдруг пришло известие, что сам преосвященный, недовольный медлительностью старца, собирается приехать в Шамордино и увезти его. Тем временем старец Амвросий слабел с каждым днем. И вот – едва преосвященный успел проехать половину пути до Шамордина и остановился ночевать в Перемышльском монастыре, как ему подали телеграмму, извещающую его о кончине старца. Был вечер 10 (22) октября. Преосвященному советовали на другой день вернуться в Калугу, но он ответил: «Нет, вероятно, такова уж воля Божия! Простых иеромонахов архиереи не отпевают, но это особенный иеромонах – я хочу сам совершить отпевание старца».

Было решено перевезти его в Оптину пустынь, где провел он свою жизнь и где покоились его духовные руководители – старцы Лев и Макарий. На мраморном надгробии выгравированы слова апостола Павла: «Бых немощным, яко немощен, да немощныя приобрящу. Всем бых вся, да всяко некия спасу» (1Кор.9:22). Слова эти точно выражают смысл жизненного подвига старца.

ПРЕПОДОБНЫЙ ЛЕВ ОПТИНСКИЙ

(24 октября)

Первый Оптинский старец преподобный Лев (в миру Лев Данилович Наголкин) родился в 1768 году в городе Карачеве Орловской губернии. В молодости он служил приказчиком по торговым делам, объездил всю Россию, узнал людей всех сословий, приобрел житейский опыт, который пригодился ему в монастырские годы, когда люди приходили к нему за духовными советами.

В 1797 году преподобный оставил мир и вступил в число братии Оптиной пустыни при игумене Авраамии, а через два года перешел в Белобережский (Орловской губернии) монастырь, где в то время настоятелем был иеромонах Василий (Кишкин), подвижник высокой духовной жизни.

В 1801 году послушник Лев был пострижен в мантию с именем Леонид, в том же году 22 декабря рукоположен в иеродиакона, а 24 декабря в иеромонаха. Живя в монастыре, он проводил дни в трудах и молитве, подавая пример истинного послушания. Однажды, когда отец Леонид только что вернулся с сенокоса, настоятель велел ему петь всенощную. Как был, усталый и голодный, отец Леонид пошел на клирос и вдвоем с братом пропел всю службу.

В 1804 году преподобный становится настоятелем Белобережской пустыни. До этого он недолго жил в Чолнском монастыре, где встретился с учеником молдавского старца Паисия (Величковского) отцом Феодором и стал его преданным учеником. Старец Феодор научил преподобного Льва, тогда еще отца Леонида, высшему монашескому деланию – умной молитве. С этого времени они подвизаются вместе. Через четыре года отец Леонид оставил должность настоятеля и удалился с отцом Феодором и отцом Клеопой в тихую лесную келию. Но духовные дары подвижников стали привлекать в их уединение все больше народу, и они, стремясь к безмолвию, ушли в один из скитов Валаамского монастыря, где прожили шесть лет. Но когда их высокая жизнь стала привлекать к себе внимание, они снова ушли, стремясь к безмолвию, на этот раз в Александро-Свирский монастырь. Там отец Феодор преставился в 1822 году.

В 1829 году преподобный Лев вместе с шестью учениками прибыл в Оптину пустынь. Настоятель, преподобный Моисей, зная духовную опытность преподобного Льва, поручил ему окормлять братию и богомольцев. Вскоре в Оптину прибыл и преподобный Макарий. Он становится ближайшим учеником, сотаинником и помощником во время старчества преподобного Льва. Преподобный Лев обладал многими духовными дарованиями. Был у него и дар исцеления. Приводили к нему многих бесноватых. Победа над бесами, конечно, была одержана преподобным Львом только после победы над своими страстями. Никто не видел его возмущенным от страшного гнева и раздражения, не слышал от него слов нетерпения и ропота. Спокойствие и христианская радость не оставляла его. Преподобный Лев все время творил Иисусову молитву, внешне пребывая с людьми, внутренне всегда пребывал с Богом. На вопрос своего ученика: «Батюшка! Как вы приобрели такие духовные дарования?» – преподобный ответил: «Живи проще, Бог и тебя не оставит и явит милость Свою».

Старчество преподобного Льва продолжалось двенадцать лет и принесло великую духовную пользу. Чудеса, совершаемые преподобным, были бесчисленны: толпы обездоленных стекались к нему, окружали его, и всем им как мог помогал преподобный. В июне 1841 года он посетил Тихонову пустынь, где по его благословию начала строиться трапеза. «Не увижу я, видно, вашу новую трапезу, – говорил преподобный Лев, – едва ли до зимы доживу, здесь уже больше не буду». В сентябре 1841 года он начал заметно слабеть, перестал вкушать пищу и ежедневно причащался Святых Христовых Таин и мирно скончался 11/24 октября 1841 года.

АПОСТОЛ

Братия, узнав, что человек оправдывается не делами закона, а только верою в Иисуса Христа, и мы уверовали во Христа Иисуса, чтобы оправдаться верою во Христа, а не делами закона; ибо делами закона не оправдается никакая плоть. Если же, ища оправдания во Христе, мы и сами оказались грешниками, то неужели Христос есть слугитель греха? Никак. Ибо если я снова созидаю, что разрушил, то сам себя делаю преступником. Законом я умер для закона, чтобы жить для Бога. Я сораспялся Христу, и уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня.

(Послание к Галатам св. ап. Павла 2:16–20)

Братия, поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их. Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же. Учениями различными и чуждыми не увлекайтесь; ибо хорошо благодатью укреплять сердца, а не яствами, от которых не получили пользы занимающиеся ими. Мы имеем жертвенник, от которого не имеют права питаться служащие скинии. Так как тела животных, которых кровь для очищения греха вносится первосвященником во святилище, сжигаются вне стана, – то и Иисус, дабы освятить людей Кровию Своею, пострадал вне врат. Итак выйдем к Нему за стан, нося Его поругание; ибо не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего. Итак будем через Него непрестанно приносить Богу жертву хвалы, то есть плод уст, прославляющих имя Его. Не забывайте также благотворения и общительности, ибо таковые жертвы благоугодны Богу.

(Послание к Евреям св. ап. Павла 13:7–16)

ЕВАНГЕЛИЕ

В то время пошел Иисус в город, называемый Наин; и с Ним шли многие из учеников Его и множество народа. Когда же Он приблизился к городским воротам, тут выносили умершего, единственного сына у матери, а она была вдова; и много народа шло с нею из города. Увидев ее, Господь сжалился над нею и сказал ей: не плачь. И, подойдя, прикоснулся к одру; несшие остановились, и Он сказал: юноша! тебе говорю, встань! Мертвый, поднявшись, сел и стал говорить; и отдал его Иисус матери его. И всех объял страх, и славили Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой.

(Евангелие от Луки 7:11–16)

ЕВАНГЕЛИЕ

В то время возвел Иисус очи Свои на небо и сказал: Отче! пришел час, прославь Сына Твоего, да и Сын Твой прославит Тебя, так как Ты дал Ему власть над всякою плотью, да всему, что Ты дал Ему, даст Он жизнь вечную. Сия же есть жизнь вечная, да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа. Я прославил Тебя на земле, совершил дело, которое Ты поручил Мне исполнить. И ныне прославь Меня Ты, Отче, у Тебя Самого славою, которую Я имел у Тебя прежде бытия мира. Я открыл имя Твое человекам, которых Ты дал Мне от мира; они были Твои, и Ты дал их Мне, и они сохранили слово Твое. Ныне уразумели они, что все, что Ты дал Мне, от Тебя есть, ибо слова, которые Ты дал Мне, Я передал им, и они приняли, и уразумели истинно, что Я исшел от Тебя, и уверовали, что Ты послал Меня. Я о них молю: не о всем мире молю, но о тех, которых Ты дал Мне, потому что они Твои. И все Мое Твое, и Твое Мое; и Я прославился в них. Я уже не в мире, но они в мире, а Я к Тебе иду. Отче Святой! соблюди их во имя Твое, тех, которых Ты Мне дал, чтобы они были едино, как и Мы. Когда Я был с ними в мире, Я соблюдал их во имя Твое; тех, которых Ты дал Мне, Я сохранил, и никто из них не погиб, кроме сына погибели, да сбудется Писание. Ныне же к Тебе иду, и сие говорю в мире, чтобы они имели в себе радость Мою совершенную.

(Евангелие от Иоанна 17:1–13)

Митрополит Антоний Сурожский. Проповедь на воскресное Евангельское чтение

Как же мы похожи на людей, окружавших умершую дочь Иаира! Сам Бог к ним пришел, Сам Господь, и Он Сам им говорит: «Не плачьте, она не умерла, она уснула...» А люди так твердо «знают», что она умерла и с такой уверенностью об этом говорят! С ними говорит Господь, Которого они сами же призвали сотворить чудо, но теперь они над Ним смеются. Пока она была больна – еще можно было надеяться на чудо; теперь же она умерла – и смешно говорить о том, что есть надежда...

Так бывает и с нами. Господь жил, умер, воскрес, и Он Сам говорит нам, что временная смерть подобна сну, что за ней стоит Жизнь, которой уже живут души человеческие, – Жизнь, которая охватит также и наши тела в день славного Воскресения. А мы всё продолжаем говорить: «Он умер, она умерла». И когда нам читают в храме слова апостола Павла: «Я не хочу, чтобы вы были без надежды, как прочие, которые верят в смерть...», – то мы эти слова слушаем, но всё равно «знаем», что перед нами лежит человек, который умер, и хотим быть безутешными.

Мы не верим и слову Воскресшего Господа, что мы воскреснем, и Его же делам и словам, когда Он воскрешал людей ещё при Своей земной жизни (дочь Иаира, Лазаря), что есть Воскресение. Мы «знаем», что есть смерть, и не верим, что есть жизнь. Как странно и как ужасно, что эта очевидность смерти закрывает нам реальность жизни! Пусть каждый из нас спросит себя: сколько раз Бог говорил нам о жизни, и сколько раз мы отвечали: «Да я же знаю, что победила и побеждает смерть!..»

И это относится не только к телесной смерти. Если бы мы только верили в жизнь, то мы бы верили, что, когда умирает родной или близкий – это не конец: наши отношения с ним и наша жизнь по отношению к нему продолжают. Чтобы найти живого человека, мы не должны говорить «вчера», «когда-то», «в прошлом», не должны смотреть назад, а теперь должны жить с этим живым человеком в этой живой жизни, и ждать большего, а не меньшего.

Это же относится к душевным и к духовным явлениям. Как легко мы говорим, что «человек умер», что «умерла дружба», «умерла любовь», – умерло то, что было самое драгоценное между людьми. И когда Господь нам говорит, что оно только уснуло, только таится, но живет (потому что всё самое важное – любовь, дружба, ласка – живет; а умирает только то, что уже на земле несет на себе печать смерти и тления), мы все-таки Ему возражаем: «Нет, Господи, я же знаю – это вымерло до корня...»

А Христос притчей о сухом дереве, которое три года обхаживали, пока оно не ожило, говорит нам: «Пусть оно и до корня умрёт, но ведь жизнь – от Меня! Всё может воскреснуть, всё – но в новой славе, не в тленном прошлом, а в совершенно новом сиянии не временной жизни, а вечной!» Каждый год в Великую Субботу утром мы слушаем пророчество Иезекииля о сухих костях (37:3): «Сын человеческий, оживут ли эти кости?» – и отвечаем: «Нет, это уже область смерти...» А этот дохристианский пророк был мудрее, и он ответил: «Господи Боже, Ты знаешь это; а я не знаю...»

Это относится ко всему – идёт ли речь о наших личных отношениях с другими, либо о судьбе чьей-то человеческой души. Евангельский рассказ – не притча, а быль о том, как воскресла дочь Иаира, когда все знали, что она умерла. Знал это и Христос, только для Него смерти нет: есть жизнь, и есть сон. Обратимся к самим себе, оценим наши отношения к тем, кто почил, – то есть к тем, кто теперь уснул и отдыхает. Подумаем и об окружающих нас людях, духовное состояние которых мы осудили и вынесли «окончательный» приговор: «Этот мёртв! Не утруждай Учителя, и Богу незачем сюда приходить – не воскреснет!» Подумаем о наших «умерших» дружеских отношениях. Действительно ли они умерли или лишь на время потускнели и «почили»? Вчитайтесь в этот евангельский рассказ и как в притчу: ведь это притча жизни против смерти, притча надежды против очевидности, притча безусловной веры против нашего глубокого, убивающего неверия! Аминь.